

В.Д. НЕБЫЛИЦЫН: ПУТЬ ТАЛАНТА

© 2004 г. И. В. Равич-Щербо*, Т. Н. Ушакова***

*Кандидат психол. наук, главный научный сотрудник Психологического института РАО, Москва

**Доктор психол. наук, член-корр. РАО, профессор,
главный научный сотрудник Института психологии РАН, Москва

В научно-биографической статье о В.Д. Небылицыне (1930–1972), одном из родоначальников дифференциальной психофизиологии в нашей стране, описан путь его научной деятельности. В.Д. Небылицын – автор модели структуры типологических особенностей, им заложена основа психогенетического направления; он развил представления о нейрофизиологических механизмах психологических проявлений; ввел электрофизиологические методики в исследование индивидуальных особенностей; применил факторный анализ в дифференциально-психологических исследованиях и др. (подробнее о его жизненном и творческом пути см. в книгах: В.Д. Небылицын: жизнь и научное творчество. – М.: Ладомир, 1996; В.Д. Небылицын. Проблемы психологии индивидуальности. Избранные психологические труды. – Москва–Воронеж: МОДЭК, 2000).

Ключевые слова: дифференциальная психофизиология, модель структуры типологических особенностей, психогенетика индивидуальных различий, нейрофизиология, электрофизиология, факторный анализ.

Владимир Дмитриевич Небылицын родился в городе Троицке, на Южном Урале, 21 августа 1930 г. Отец был служащим; после переезда в Челябинск с 1937 г. работал главным бухгалтером в Челябинском политехническом институте. Мать – домохозяйка, воспитывала двоих детей (кроме Владимира был еще младший Борис). Уже с семи лет Владимир стал помогать по хозяйству, а с годами и вовсе переложил на себя тяжелые работы по дому и, кроме того, заботился о младшем брате.

С раннего детства, почувствовав ответственность за себя и свою семью, он проявил интерес и к интеллектуальным занятиям, например, в четыре года без чьей-либо помощи научился читать. И когда поступил в первый класс, то к удивлению учителей мог и читать, и писать, и считать. Такого ученика вряд ли имело смысл держать в первом классе и его тут же перевели во второй, где и на этот раз он стал лучшим среди своих товарищей, часто получавшим похвальные грамоты. Много читая, он хорошо запоминал прочитанное. Видимо, в те ранние годы и была заложена поразившая впоследствии окружающих эрудиция В.Д. Небылицына.

В 1947 г. он заканчивает школу с золотой медалью, которая в то время имела большое значение, так как получивший ее ученик мог без экзаменов поступить в любой вуз страны.

После некоторых раздумий он окончательно выбрал свой дальнейший образовательный путь – на филологический факультет МГУ, куда и был

зачислен. Вскоре на факультете организовали новое отделение по специальности “Русский язык, логика и психология”, куда и попал Небылицын.

Учение давалось ему легко. Но независимый характер, своя точка зрения по различным аспектам жизни нередко создавали для него осложнения. Так, кое-кому однажды не понравилось, что он выступил против травли одного из студентов факультета, персональное дело которого разбиралось на комсомольском собрании. И блестяще учившегося В. Небылицына после окончания университета в качестве наказания распределили на работу в Дагестан – учителем средней школы и методистом института усовершенствования учителей в Махачкале, где он проработал положенные годы. Это было своего рода ссылкой для непокорного молодого специалиста.

Осенью 1954 г. В. Небылицын приехал в Москву поступать в аспирантуру Института психологии АПН. Экзаменаторы, представлявшие цвет института, без колебаний поставили ему высшие оценки и с самой лестной характеристикой приняли в аспирантуру. Еще более показательно то, что могущественный Б.М.Теплов пригласил его в свою лабораторию и до конца своих дней сохранил к нему в высшей степени благоприятное отношение.

Для Небылицына это было время увлечения экспериментальной работой. В диссертации он исследовал гипотезу, предложенную Тепловым, о связи силы нервной системы с чувствительнос-

тью. Сильный тип нервной системы—низкочувствительный, слабый—высокочувствительный. Испытуемыми часто были свои же подрабатывающие коллеги-аспиранты. Как экспериментатор Небылицын был точен и строг, а как испытуемый, вопреки научной идее, хотел быть сильным и чутким. Таким он фактически и был.

Кандидатское исследование Небылицына оказалось серьезным, его результаты с интересом восприняли в лаборатории и на ученом совете института. После успешной защиты диссертации встал вопрос о дальнейшей судьбе Небылицына. Обладавший безусловным авторитетом Б.М. Теплов просил институтское начальство оставить молодого ученого в лаборатории хотя бы в должности лаборанта. Оппозиция возражала, колебалась, но Теплов настоял, пригрозив, что в противном случае он сам покинет лабораторию.

Так началось стремительное движение В.Д. Небылицына по ступеням научной и административной лестницы. В это время он активно занимался расширением экспериментальной базы проводимых исследований. Его интерес был направлен, прежде всего, на применение в экспериментах электрофизиологических методик, которые до того времени в лаборатории не использовались. Не имея в прошлом физиологической подготовки, В.Д. Небылицын глубоко освоил эту новую для себя область, став и в области нейрофизиологии признанным авторитетом. Тому существует несколько доказательств: предложения о сотрудничестве от таких высокорейтинговых журналов, как "Neuropsychologia", в редколлегиях которых входили выдающиеся исследователи К. Прибрам, О. Зангвилл и др.; быстрое издание его книги "Основные свойства нервной системы человека" в издательстве "Plenum Press"; книга "Biological Bases of Individual Behavior", изданная в "Academic Press"; успешные доклады на физиологических конгрессах и многое другое. Именно его высокий профессионализм обеспечил продуктивное включение концепции свойств нервной системы в контекст самых последних для того времени достижений мировой науки.

Обращение к нейрофизиологическим основаниям психологических проявлений В.Д. Небылицын считал необходимым и в теоретическом плане. Эти данные были использованы в дальнейшем для построения теоретической гипотезы об активном и управляемом поведении в сфере произвольных действий, интеллекта и эмоций. Не останавливаясь на электрофизиологических проявлениях, В.Д. Небылицын стремился к познанию еще более глубоких уровней функционирования человеческого организма. Он намечал исследования биохимических факторов в деятельности целого организма и генетических механизмов психологических проявлений.

Ему принадлежит первая на русском языке работа о факторном анализе как продуктивном методе исследования. Симптоматично то, что эта работа вышла всего три года спустя после окончания им аспирантуры – в журнале "Вопросы психологии", №1 за 1960 г. Талант Владимира Дмитриевича не давал ему передышки, неудержимо направлял его к новым экспериментальным проблемам, статистическим методам их решения. Внедрение техники факторного анализа в научный быт лаборатории сыграло огромную роль в развитии концепции свойств нервной системы; можно без преувеличения сказать, что именно с этой работы метод стал широко использоваться в отечественной психологии. Сотрудники лаборатории встретили это нововведение с энтузиазмом, устремились в новые вычисления, хотя производились они в лучшем случае на калькуляторах "Филипс" устаревших моделей, а то и на канцелярских счетах. Но результаты оправдывали усилия, как и предполагал Владимир Дмитриевич.

Он проводил много экспериментальных исследований: здесь обнаружилось его высокие способности в технике. Он прекрасно разбирался в принципах устройства приборов, легко читал схемы, на равных разговаривал с инженерами, был в курсе вновь появляющихся приборов, знал, какую технику требовалось заказывать, сам участвовал в ее налаживании, разбирался в сложностях строительства экспериментальных камер.

Большая экспериментально-теоретическая работа привела к созданию книги "Основные свойства нервной системы", на основе которой в 1965 г. В.Д. Небылицын защитил докторскую диссертацию.

Еще до защиты, его успехи и перспективность были замечены администрацией института, и в январе 1965 года он назначается на должность заместителя директора Института психологии АПН СССР по научной работе. Ему предоставили отдельный кабинет – маленькую комнату на втором этаже института, а при дефиците помещений это был знак больших полномочий. Новая позиция не изменила общего тона его взаимоотношений с людьми: он оставался спокойным, сдержанным, доброжелательным. Окружающие отмечали, что он несколько не стремился к внешней эффектности, не старался покрасоваться или показать официальную требовательность. Общая направленность его действий – деловая, позитивная, сдержанная. Главный вектор – современность, соблюдение доказательности, преодоление архаичности и отсталости. Он старался объединить усилия всех сотрудников для получения новой аппаратуры и был успешен в этом. Ему удалось организовать в институте вычислительный центр, найти специалистов для работы в нем –

математиков, программистов. Некоторые из них впоследствии стали его учениками, докторами психологических наук. В то время это было очень ново, необычно. Вычислительная техника в виде громоздких медленных компьютеров только внедрялась в научную жизнь.

На взлете своей активности он пережил потерю учителя – Бориса Михайловича Теплова, который, несомненно, оказал огромное влияние на научную и жизненную судьбу Небылицына и был для него подлинным авторитетом. Лаборатория, в течение многих лет возглавляемая Борисом Михайловичем, без колебания предложила Владимиру Дмитриевичу занять место заведующего. А ведь это был коллектив “звезд”, подбираемых Б.М. Тепловым “поштучно”, каждый со своим багажом, почти все старше Небылицына. Однако проблем не возникло – ни научных, ни личностных.

Итак, молодой 35-летний доктор психологических наук, заведующий передовой лабораторией Института психологии АПН СССР, заместитель директора по науке этого же института, перспективный, увлеченный исследователь и организатор науки, успешный в своих начинаниях. В 1968 г. он получает звание профессора, вскоре избирается членом-корреспондентом Академии педагогических наук. Признание его достижений, путь к которым был серьезным и далеко не легким, стало всеобщим.

Он приобрел положение харизматического лидера. К нему потянулись коллеги, в том числе и из других учреждений, появилось много учеников, студентов, аспирантов. В его лабораторию приезжали специалисты из-за рубежа. У него была очень привлекательная манера общения: сдержанная и благожелательно-содержательная. У каждого, с кем он входил в контакт, оставалось впечатление, что Владимир Дмитриевич, не выражая этого словами, глубоко понимает пришедшего и расположен к нему.

Однако рабочая действительность была далека от благодности. В экспериментальных материалах лаборатории накапливались трудности, требовавшие осмысления. Они ярко проявились, например, в кандидатской работе Ф.В. Ипполитова. На защите диссертант подробно и аргументированно показал, что те показатели СНС, которые проявлялись у испытуемого при использовании, скажем, зрительных методик, могли кардинально меняться, если методика адресовалась к другим анализаторам – слуховым, тактильным и т.д. Аналогичное положение было зафиксировано в исследованиях других сотрудников лаборатории. Одновременно обнаруживалось, что традиционно выявляемые типологические свойства не только различаются в зависимости от анализатора, но

и слабо отражают общеличностные характеристики человека.

Подобные факты, быстро накапливаясь, противоречили исходной гипотезе, идущей еще от И.П. Павлова, о типологических особенностях как единых характеристиках всей нервной системы и требовали переосмысления имеющихся эмпирических данных по самым различным линиям. Это задачу и реализовал Владимир Дмитриевич в ряде работ конца 1960-х гг.: они посвящены конкретным вопросам, возникшим в ходе экспериментальных исследований; суммарно же результаты его анализа – и теоретического, и экспериментального – изложены в одной из последних работ – “Актуальные проблемы дифференциальной психологии”, опубликованной в “Вопросах психологии” (1971, № 6) менее чем за год до его гибели. Она не только интересна по содержанию, но и очень характерна для научного стиля Владимира Дмитриевича своей четкостью и строгостью анализа. Главные линии его размышлений таковы.

Отметив, что концепция основных свойств нервной системы (СНС) наиболее продуктивна среди попыток найти биологические основы человеческой индивидуальности и отдавая должное “научной мудрости И.П. Павлова”, он, тем не менее, отмечает, что “многие решения, найденные в павловской школе... кажутся сейчас неадекватными, либо просто преждевременными” [44, с. 237], и что крупные достижения последних лет в психологии и – особенно – в физиологии оказали влияние на проблематику СНС. «От успешного использования этих достижений при решении конкретных задач дифференциальной психофизиологии зависит научная эффективность данного направления, его практический “выход” и вся дальнейшая перспектива его развития» [там же, с. 241]. Он говорит и о трудностях на этом пути, например, связанных в ряде случаев “с отсутствием методик для адекватной оценки некоторых из первичных СНС, характеризующих процесс торможения” [там же, с. 234], что в свою очередь затрудняет оценку некоторых видов баланса нервных процессов. Кроме того, разработанные в павловских лабораториях диагностические приемы “далеко не всегда отвечали критериям валидности и монометричности” [там же, с. 234] и т.д. В этих и других моментах анализа четко видна замечательная особенность Небылицына-исследователя: спокойная, вдумчивая оценка реального состояния дел, критика (а не критиканство!) того, что, с его точки зрения, устарело, ошибочно, ненадежно, и столь же тщательно продуманные конструктивные предложения, постановка новых экспериментальных задач и анализ их результатов.

Обнаружение парциальности, “интрацеребральных”, в терминологии В.Д. Небылицына, в част-

ности межанализаторных различий по СНС поставило, как минимум, два больших вопроса: 1) как в этом случае может быть представлена структура типологических особенностей, и 2) со свойствами которой из мозговых структур целесообразно сопоставлять психологические, поведенческие особенности. Если к этому добавить выделение (в предыдущие годы) новых СНС – лабильности, динамичности и, – в качестве гипотезы (хотя и аргументированной), – концентрированности нервных процессов, спектр накопившихся к этому времени проблем оказывался весьма широким.

Как же решает их Владимир Дмитриевич? Прежде всего он отмечает иерархичность структуры ЦНС: существование первичных СНС (силы, подвижности и др.) и вторичных, получаемых при сопоставлении одноименных свойств, характеризующих процессы возбуждения и торможения, т.е. оценивающих баланс этих процессов по данному свойству. Именно здесь и возникает отмеченная выше трудность, связанная со сложностями диагностики свойств процесса торможения.

Следующий блок проблем, заставляющий «существенно пересматривать и модифицировать кое-какие важные элементы концепции свойств нервной системы» [там же, с. 246], связан с межанализаторными различиями последних. Их наличие означает, «что использование методик, обладающих модальной специфичностью, для оценки свойств нервной системы не является вполне адекватным» [там же, с. 247], так как они измеряют «частные» СНС, т.е. свойства рецепторной системы головного мозга, а «измеряя частные свойства, мы можем получить не более чем частную информацию о роли нейрофизиологических параметров в динамике психических функций» [там же, с. 247]. Задача же заключается в том, чтобы найти нейрофизиологическое объяснение индивидуальных особенностей не только в функциях органов чувств, но и в «интегральных» общеличных характеристиках. Тогда в качестве «общих» свойств нервной системы необходимо рассматривать особенности функционирования таких мозговых структур, которые обеспечивают «глобальные» общефизиологические и общеличные функции: мотивацию, потребности и эмоции, программирование действий и движений, интеллектуальное планирование и оценку результатов и т.д. К таким структурам относятся «передние отделы новой коры, и взаимодействующие с ними образования старой и древней коры, а также подкорки, в частности, ствола» [там же, с. 247–248]. Поэтому свойства именно этих мозговых структур могут быть названы «общими» СНС, – в отличие от «частных», проявляющихся в функционировании конкретных анализаторных систем. Таким образом, по мысли Владимира Дмитриевича, «общие» СНС – это не общемозго-

вые, и не общие у человека и животных (как было в работах И.П. Павлова), а те, которые свойственны конкретным мозговым структурам (как анализаторам), но обеспечивающим не отдельные сенсорные функции, а наиболее общие («общеличные», «интегративные») психологические феномены. Это был принципиально новый и весьма эвристичный подход, многое изменивший в самой концепции СНС. Он требовал, прежде всего, выяснения вопроса о том, существуют ли и каковы эти различия в параметрах мозговой биоэлектрической активности анализаторных и регуляторных зон мозга; затем – выделения общеличных психологических переменных, обеспечиваемых структурами переднего мозга и, наконец, сопоставления индивидуальных особенностей этих двух уровней.

Экспериментальной проверке сформулированного таким образом подхода и были посвящены последние работы Владимира Дмитриевича с его аспирантами и сотрудниками – Н.И. Александровой, Т.Ф. Базылевич, А.И. Крупновым, В.Д. Мозговым и другими; они были опубликованы в ведущих научных журналах, в том числе и зарубежных. Эти работы показали, что, как и предполагалось, ЭЭГ лобной и затылочной зон мозга по некоторым параметрам статистически надежно различаются. Однако Владимир Дмитриевич делает следующий шаг в анализе, опять-таки весьма продуктивный (демонстрирующий его глубокие профессиональные знания уровня нейрофизиологии того времени): в антецентральных мозговых структурах – регуляторной системе мозга – выделяются две подструктуры, из которых одна ответственна за динамику активационных состояний в континууме «сон-бодрствование», а другая является субстратом субъективных эмоциональных переживаний. Эти «две исключительно важные группы мозговых образований, деятельность которых имеет, по-видимому, ведущее значение для детерминации индивидуально-психологических различий в области такой личностной категории, как темперамент» [там же, с. 251]. В структуре же самого темперамента Владимир Дмитриевич выделяет два «главнейших» компонента: общую активность и эмоциональность. Первая проявляется как внутренняя потребность в умственной, двигательной (в том числе речедвигательной) и социальной (общение) сферах, вторая включала не только собственно динамические, но и качественные характеристики – три базовые эмоции: радость, гнев и страх. Эти компоненты темперамента и соотносились с функциональной спецификой двух антецентральных мозговых структур: «лобно-ретикулярной» и «лобно-лимбической» соответственно.

Сам Владимир Дмитриевич с сотрудниками и аспирантами начал экспериментальное исследование активности и ее нейрофизиологических

коррелятов. Первые результаты полностью подтвердили его гипотезу: и с умственной, и с моторной активностью коррелировали, главным образом, параметры ЭЭГ лобного отведения (в основном – высокочастотная ритмика, связывавшаяся с уровнем восходящих активирующих влияний). Но и здесь он остался верен своему строгому исследовательскому стилю: получив результаты, которые, конечно, радовали, он тут же предостерегает от упрощенного их толкования, подчеркивая, что мозг всегда работает как единое целое, и каждая мозговая структура функционирует во взаимодействии с другими, – а это ставит “вопрос о структурно-системном подходе к анализу нейрофизиологических факторов человеческого поведения” [там же, с. 255]. Более того, он отмечает еще один, тогда еще не исследованный, но существенный для дифференциальной психофизиологии аспект, – вертикальную, уровневую организацию морфофункциональных систем мозга, заставляющую предполагать, что одно и то же СНС на разных уровнях будет иметь разное содержание, проявления, вклад в конечный результат активности всей системы. При этом Владимир Дмитриевич полагал, что регуляторные процессы низших уровней детерминируются генетически, в то время как для высших – характерна сознательная, произвольная саморегуляция.

Проблема наследственных влияний на формирование индивидуальных особенностей интересов Владимира Дмитриевича еще с 1960-х гг.: именно этой теме он посвятил первую лекцию своего курса¹, который читал на факультете психологии МГУ с 1968 г., и примерно в эти же годы он поддержал начавшиеся в лаборатории психогенетические исследования. Анализируя имевшиеся к этому времени зарубежные работы, он отмечает и ограничения принятых в психогенетике методов (генеалогического и близнецового), и необходимость, тем не менее, изучения наследственных влияний, и неодинаковую их роль в разных характеристиках индивидуальности. В наиболее общем виде возможную гипотезу генетических исследований МЗ близнецов он формулирует так: “...корреляции неуклонно снижаются, если мы шагаем от чисто физиологических характеристик к чисто психологическим и даже социальным”. И дальше: “однозначного решения вопроса о роли генетических и воспитательных фактов в развитии человеческой индивидуальности быть не может. Тут нужно иметь в виду те функции, которые мы берем для анализа и изучения” [там же, с. 352]. Эта позиция важна и адекватна современному уровню психогенетики: в последние годы исследователи все больше переходят от простой констатации доли генетических и средовых влияний в

дисперсии различных психологических признаков к выяснению вопроса о том, за счет каких конкретных компонентов обнаруживаются в них генетические влияния. И здесь получены некоторые подтверждения гипотезы В.Д. Небылицына; например, есть данные, говорящие о существенном вкладе такой физиологической переменной, как скорость проведения нервного импульса, в генетическую дисперсию оценок высшей психической функции – интеллекта². Это означает, что в такой многомерной и сложной для генетического анализа реальности, как мультифакторные признаки вообще, а психологические фенотипы – в особенности, целесообразно выделять “промежуточные” фенотипы, принадлежащие к разным уровням в той иерархически организованной нейрофизиологической системе, которая обеспечивает данную функцию. То есть к тому, что предпологал Владимир Дмитриевич 30–40 лет тому назад, современная зарубежная психогенетика пришла – по своей логике – лишь теперь.

Все это свидетельствует о выдающемся таланте, высоком профессионализме и безусловной научной интуиции, присущих Владимиру Дмитриевичу. Но его роль в нашей науке этим не ограничивается, – он был и носителем высоких нравственных ценностей, создававших в его коллективе прекрасную атмосферу.

Им заинтересовались западные ученые. В книге о В.Д. Небылицыне опубликована подборка писем, обращенных к нему в период 1969–1972 гг. В них – приглашения войти в состав редколлегии международных журналов и организационных структур, предложения к опубликованию работ, запросы на получение данных. По этим материалам с очевидностью обнаруживается высокий научный авторитет и признание в международном научном сообществе, которые Владимир Дмитриевич получил в молодом для ученого возрасте.

Есть еще одно обстоятельство в биографии В.Д. Небылицына, которое, вне всякого сомнения, оказало большое влияние на его судьбу. Это встреча с Борисом Федоровичем Ломовым, переехавшим в конце 60-х гг. из Ленинграда на работу в Москву. Они стали близкими соратниками и даже друзьями.

При всех характерологических различиях они имели самое главное сходство – в жизненной ориентации, масштабности идей и действий, вере в психологию как науку будущего и готовности служить ей. Они стали разрабатывать план действий для создания Института психологии в составе Академии наук. В реализации этого плана принимали участие многие ученые: П.К. Анохин, А.И. Берг, В.В. Парин, психологи А.Н. Ле-

¹ В.Д. Небылицын: жизнь и научное творчество. – М.: Ладомир, 1996.

² Первая лекция курса В.Д. Небылицына “Психофизиология индивидуальных различий” // В.Д. Небылицын: жизнь и научное творчество. – М.: Ладомир, 1996. С. 341–352.

онтьев, А.Р. Лурия, В.П. Кузьмин, военные, космонавты.

Б.Ф. Ломов рассказывал о том времени всегда с радостью и гордостью. Вспоминал, как много пришлось преодолевать сопротивления, косности, убеждать, завоевывать. Поднимались разные вопросы: что институт даст стране, какие есть научные основания принять предлагаемые планы и обещания, кто сможет их выполнять, какие требуются средства, аппаратура, кадры и многое другое. Сверх всего требовалось доказать, что люди, берущиеся за дело, заслуживают доверия, надежны, серьезны.

В этих трудах они шли равными, плечом к плечу, соединяя свою волю, эрудированность, ум. А потом, когда дело подошло к завершающему моменту, В.Д. Небылицын спокойно и уверенно отошел на второе место – заместителя директора Б.Ф. Ломова.

В то время Владимир Дмитриевич занимал пост заместителя директора в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР. Его очень не хотели отпускать оттуда в новый институт, упрашивали остаться, даже умышленно затягивали выдачу характеристики для нового места работы.

Но сложилось иначе. Он ушел и в новом институте проработал меньше года, а в конце лета 1972 г. запланировал поехать с женой в отпуск. Становление института шло полным ходом, организовывались новые лаборатории, подбирались сотрудники (желающих было множество), приобреталась и заказывалась аппаратура. Он по возможности наладил течение дел в свое отсутствие и договорился: “Когда я вернусь...”

... Он погиб в авиакатастрофе 1 октября 1972 г.

Для углубленного ознакомления с научной деятельностью В.Д. Небылицына предлагаем список его основных трудов.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

В.Д. НЕБЫЛИЦЫНА (ПО ВРЕМЕНИ ИХ ПУБЛИКАЦИИ)

1. О двух новых учебниках по психологии // Вопросы психологии. 1955. № 5.
2. О соотношении между чувствительностью и силой нервной системы // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека / Под ред. Б.М. Теплова. М., 1956. Т. I.
3. Индивидуальные различия в зрительном и слуховом анализаторах по параметру “сила – чувствительность” // Вопросы психологии. 1957. № 4.
4. Различия между зрительным и слуховым анализаторами в изменениях абсолютной чувствительности под влиянием кофеина // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 3.
5. Экспериментальное изучение взаимосвязи между чувствительностью и силой нервной системы // Те-

зисы докладов I съезда Общества психологов. М., 1959.

6. Исследование взаимосвязи между чувствительностью и силой нервной системы // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека / Под ред. Б.М. Теплова. М., 1959. Т. II.
7. О типологическом значении скорости образования фотохимического рефлекса // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека / Под ред. Б.М. Теплова М., 1959. Т. II.
8. Concerning the Interrelation between Absolute Sensitivity and Strength of the Nervous System // Quart. J. exper. psychol. 1960. V. 12. № 1.
9. О корреляции между некоторыми показателями электровозбудимости глаза и силой нервной системы // Доклады АПН РСФСР. 1960. № 2.
10. Время реакции и сила нервной системы. Сообщение 1 // Доклады АПН РСФСР. 1960. № 4.
11. Время реакции и сила нервной системы. Сообщение 2 // Доклады АПН РСФСР. 1960. № 5.
12. Современное состояние факториального анализа // Вопросы психологии. 1960. № 1.
13. Сравнительное изучение различных показателей силы нервной системы у человека // Вопросы психологии. 1960. № 5. (Совместно с В.И. Рождественской, М.Н. Борисовой и Л.Б. Ермолаевой-Томилиной). Опубликовано английский и румынский переводы.
14. Способ получения устойчивой условно рефлекторной депрессии альфа-ритма // Доклады АПН РСФСР. 1961. № 2.
15. Электроэнцефалографический вариант угашения с подкреплением как испытание силы нервной системы // Доклады АПН РСФСР. 1961. № 3.
16. Некоторые электроэнцефалографические показатели уравновешенности нервных процессов // Доклады АПН РСФСР. 1961. № 4. Опубликовано английский перевод.
17. Альфа-индекс и баланс основных нервных процессов // Доклады АПН РСФСР. 1961. № 6.
18. Факториальная структура интеллекта. Обзор американских работ // Вопросы психологии. 1961. № 2.
19. К изучению надежности работы человека-оператора в автоматизированных системах // Вопросы психологии. 1961. № 6. Опубликовано немецкий перевод.
20. Die Anwendung der Faktorenanalyse bei der Erforschung der Struktur der Hueheren Nerventaetigkeit // Probleme und Ergebnisse der Psychologie. Berlin, 1961.
21. Методы и системы автоматического анализа биопотенциалов мозга // Вопросы психологии. 1962. № 4. Опубликовано английский перевод.
22. *Темперамент*. Педагогическая энциклопедия. М., 1962. Т. 4.
23. *Темперамент*. Философская энциклопедия. М., 1963. Т. 5.
24. Некоторые проблемы профессионального отбора // Авиационная и космическая медицина. М., 1963. (Совместно с Б.М. Тепловым).
25. Электроэнцефалографическое изучение свойств силы нервной системы и уравновешенности нерв-

- ных процессов у человека с применением факторного анализа // Типологические особенности высшей нервной деятельности // Под ред. Б.М. Теплова. М., 1963. Т. III.
26. Электроэнцефалографический метод в изучении свойств нервной системы // Тезисы докладов II съезда Общества психологов. М., 1963.
  27. Экспериментальное изучение свойств нервной системы у человека // Журнал высшей нервной деятельности. 1963. Т. XIII. Вып. 5. (Совместно с Б.М. Тепловым).
  28. О структуре основных свойств нервной системы // Вопросы психологии. 1963. № 4.
  29. Изучение свойств нервной системы и их значение для психологии индивидуальных различий // Вопросы психологии. 1963. № 5. (Совместно с Б.М. Тепловым).
  30. О факторах индивидуальных различий в реакциях биотоков мозга на ритмичное световое воздействие // Журнал высшей нервной деятельности. 1964. Т. XIV. Вып. 2.
  31. Реакция навязывания ритма как функции интенсивности мелькающего светового раздражителя // Журнал высшей нервной деятельности. 1964. Т. XIV. Вып. 4.
  32. Психологические вопросы профессионального отбора. Инженерная психология. М., 1964. (Совместно с Б.М. Тепловым и Н.И. Майзель).
  33. Кортико-ретикулярные отношения и их место в структуре свойств нервной системы // Вопросы психологии. 1964. № 1.
  34. EEC approach to studying typological characteristics of nervous system in man // Тезисы XVII Международного психологического конгресса. Вашингтон, 1963.
  35. К проблеме уравновешенности нервных процессов // Вопросы психологии. 1964. № 6.
  36. Основные свойства нервной системы как фактор надежности человека-оператора // Тезисы XV Международного психологического конгресса в Югославии. М., 1964.
  37. К проблеме баланса нервных процессов // Тезисы докладов на республиканской психологической конференции. Киев, 1964.
  38. Экспериментальное изучение основных свойств нервной системы у человека // Труды IV Всесоюзного съезда невропатологов и психиатров. М., 1965. (Совместно с Б.М. Тепловым).
  39. Сравнительное изучение кратких методик определения основных свойств нервной системы у человека // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека / Под ред. Б.М. Теплова. М., 1965. Т. IV. (Совместно с Э.А. Голубевой, И.В. Равич-Щербо и Л.Б. Ермолаевой-Томиной.)
  40. Угашение с подкреплением условных электрокорковых реакций как испытание силы нервной системы по отношению к возбуждению // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека / Под ред. Б.М. Теплова. М., 1965. Т. IV.
  41. Динамичность нервных процессов и индивидуальные особенности ЭЭГ покоя у человека // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека / Под ред. Б.М. Теплова. М., 1965. Т. IV.
  42. Results of experimental studies on properties of the nervous system in man // Psychology in USSR. M., 1966. (With B.M. Teplov.)
  43. Investigation of the Properties of Nervous System as the Way For Studying Individual // Psychological Investigation in USSR. NY., 1966 (With B.M. Teplov).
  44. Некоторые вопросы теории основных свойств нервной системы // Труды XVIII Международного конгресса психологов. М., 1966.
  45. Психологические вопросы профессионального отбора // Стандарты и качество, 1966. № 7. (Совместно с Б.М. Тепловым и Н.И. Майзель).
  46. Основные свойства нервной системы человека (монография), 1966.
  47. Б.М. Теплов как теоретик дифференциальной психофизиологии // Вопросы психологии. 1966. № 5.
  48. К вопросу об общих и частных свойствах нервной системы // Вопросы психологии. 1966. № 5.
  49. Крупный вклад в нейрофизиологию (рец. на сб. "Лобные доли и регуляция психических процессов" // Вопросы психологии. 1967. № 4.
  50. Динамичность возбуждения и ее ЭЭГ-корреляты у детей // Типологические особенности высшей нервной деятельности человека / Под ред. Б.М. Теплова. М., 1967. Т. V. (Совместно с К. Войку).
  51. Проблема парциальности в теории свойств нервной системы и возможный путь ее разрешения // Тезисы II Всесоюзного съезда Общества психологов СССР. М., 1968. Т. I.
  52. Функциональные состояния нервной системы человека и ее основные свойства: Доклад на симпозиуме "Мозг и развитие". Париж, 1968.
  53. Предисловие. Проблемы дифференциальной психофизиологии. М., 1969. Т. VI.
  54. Надежность работы оператора в сложной системе управления и ее психофизиологические факторы // Инженерная психология. М., 1969.
  55. Теория основных свойств нервной системы на современном этапе ее развития: Доклад на XIX Международном психологическом конгрессе. Лондон, 1969.
  56. Ленинские идеи и развитие советской психофизиологии // Вопросы психологии. 1969. № 6.
  57. Modern Concepts of the Basic Properties of the Nervous System // Proceedings of the XIX International Congress of Psychology. London, 1969.
  58. Электрофизиологические корреляты динамических характеристик активности поведения. Сообщение 1 // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1970. № 2. (Совместно с А.И. Крупновым).
  59. Человек в мире военной техники (рецензия) // Вопросы психологии. 1970. № 5.
  60. Вызванный потенциал двигательной зоны коры больших полушарий // Физиологический журнал СССР. 1970. № 12. (Совместно с Т.Ф. Базылевич).
  61. Проблемы изучения основных свойств нервной системы человека. Руководство по физиологии. М., 1971. (Совместно с Б.М. Тепловым.)

62. Die Haupteigenschaften der Nervensystems // Idee des exakten Wissen. 1971. № 8.
63. An Approach to the study of the General Properties of the Nervous System // Studia psychologica. 1971. V. XIII. № 2.
64. Электрофизиологические корреляты динамических характеристик активности поведения. Сообщение 2 // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. 1971. № 1. (Совместно с А.И. Крупновым).
65. Актуальные проблемы дифференциальной психофизиологии // Вопросы психологии. 1971. № 6.
66. Сравнительное исследование некоторых биоэлектрических характеристик лобных и затылочных отделов головного мозга // Журнал высшей нервной деятельности. 1971. № 6. (Совместно с А.И. Крупновым).
67. Факторный анализ соотношений между количественными показателями ЭЭГ лобной и затылочной областей // Физиологический журнал СССР. 1971. № 11. (Совместно с Н.И. Александровой).
68. О механизме расщепления негативного компонента моторного вызванного потенциала // Физиологический журнал СССР. 1972. № 8. (Совместно с Т.Ф. Базылевич).
69. Умственная активность и биоэлектрические показатели мозговой деятельности // Журнал высшей нервной деятельности. 1972. № 5. (Совместно с В.Д. Мозговым.)
70. Bioelectrical Correlates of Motor Activity as a Temperament Trait // Neuropsychologia. 1972. № 10. (With A. Krupnov).
71. Biological Bases of Individual Behavior (coeditor). N.Y., 1972.
72. The Basic Properties of the Nervous System // Soviet Science Review. 1972. № 3.
73. Некоторые вопросы изучения нейрофизиологических факторов индивидуального поведения: Доклад на XX Международном психологическом конгрессе. Токио, 1972.
74. К вопросу о мозговых механизмах индивидуально-психологических различий у человека: Доклад на Международном симпозиуме. Ленинград, 1972.
75. К проблеме мозговых механизмов психической активности // Психологические исследования, посвященные 85-летию Д.Н. Узнадзе / Под ред. А.С. Прангишвили. Тбилиси, 1973.

V.D. NEBYLITSYN: THE WAY OF THE TALENT

I. V. Ravich-Scherbo*, T. N. Ushakova**

*Cand. sci. (psychology), head res. ass., Psychological of RAE, Moscow

**Dr. sci. (psychology), correspondent member of RAE, professor, head. res. ass. IP RAS, Moscow

There is described the way of scientific activity of V.D. Nebylitsyn (1930–1972) – one of the founders of Russian differential psychophysiology. V.D. Nebylitsyn developed the model of typological peculiarities structure, he founded psychogenetic branch of differential and developed the concept of neurophysiological mechanisms of mental states. V.D. Nebylitsyn introduced electrophysiological methods in research of individual differences, he used factor analysis in differential-psychological researches, etc.

Key words: differential psychophysiology, model of typological peculiarities structure, psychogenetics of individual differences, neurophysiology, electrophysiology, factor analysis.